

Визит дербентского правителя Имама Кули-бека в Петербург

Шарафутдин Магарамов

Visit of the Derbent ruler Imam Kulibek to Saint Petersburg

Sharafutdin Magaramov

*(Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal
Research Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050036, EDN: OYBCTQ

Среди видных деятелей Северного Кавказа XVIII в., оказавших большое влияние на происходившие в регионе события, важное место занимает наиб Дербента Имам Кули-бек. До последнего времени его биография оставалась малоизвестной. Недавно мною была опубликована статья, посвящённая деятельности наипа по интеграции Дербента в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи¹. Впервые вводимые в научный оборот документальные данные позволяют пополнить биографию Имама Кули-бека информацией о его поездке в Петербург в 1726–1727 гг.

Летом 1725 г. наиб обратился к канцлеру Г.И. Головкину с просьбой разрешить ему приехать к императорскому двору. После рассмотрения прошения в Петербурге командующий Низовым корпусом генерал-лейтенант М.А. Матюшкин получил указание выяснить, как наиб дербентский относится к России и можно ли на него рассчитывать в интересах империи². Матюшкин 16 ноября 1725 г. отправил из Астрахани в Петербург донесение, охарактеризовав наипа с положительной стороны, подчеркнув его верность России: «О состоянии одного наипа, хотя от армянского архимандрита Мартироса и от армян имелось доношение, якобы он и дербенцы имеют... недоброжелательными согласие и будто намерены российских побить и городом (Дербентом. — *Ш.М.*) овладеть, но по следованию того дела подозрению над ним, наипом, не показалось и донине не имеетца». Однако Матюшкин предостерегал верховную власть, что даже проверенному временем дербентскому наипу полностью доверять не стоит: «А чтобы подлинно его, наипово, намерение и верность к стороне е.и.в. ведать, хотя он, генерал-лейтенант, и не надеется от него, чтоб учинил какие противности, однако ж по состоянию тех стран народов без осторожности быть невозможно, и впредь можно уповать от него, наипа, интересам е.и.в. какой пользы донести невозможно. Что ж он, наип, ко двору е.и.в. едет как он, генерал-лейтенант, надеется, желает видеть очи е.и.в., и для награждения жалования, а о прочем знать невозможно, разве когда оной пребудет в Астрахань, и тогда что уведает, доносить будет»³.

© 2023 г. Ш.А. Магарамов

¹ Магарамов Ш.А. «О верности его известно всем»: политическая деятельность наипа Дербента Имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 2. С. 306–322.

² АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1726 г., д. 17, л. 1–6.

³ Там же, 1727 г. д. 16, л. 1 об.–2.

Сменивший Матюшкина в феврале 1726 г. кн. В.В. Долгоруков порекомендовал центральным властям принять наиба скромно, не одаривать его дорогими подарками и не платить ему сверх положенного жалованья, поскольку и другие горские владетели захотят того же отношения к себе: «Ежели ево высоко поведут и по его желанию все ему отдадут, то так здешние дела тем повредят, что исправить будет невозможно. Первое, что здешние владельцы, как дагистанские, так и горские, пожелают такова ж всякой себе награждения, что уже и видно, усмей ко мне прислал первого своего человека, написав челобитную, чтоб ево отправить к двору, в челобитье ево написано, чтоб ему и детям ево, и ближним ево людям, и секретарям, и узденям погодно давать, по чему ему давалось от персического шаха на всякой год больше двенадцати тысяч рублей». Кайтагский уцмий вслед за наибом заявил о желании отправиться в Петербург, на что Долгоруков ответил, что требовать этого не стоит, «не показав своей службы к е.в.». Князь считал и без того «не ущербным» положение наиба, которому со времени перехода в российское подданство «как денег, так и хлеба не мало дано» — более 10 тыс. руб. Наиб владел также деревнями Дербентской округи, с которых имел немалый доход, а «нам из ево богатства какая польза может быть». Долгоруков считал полезным «умерено их содержать»⁴.

Поездки в Москву и Петербург из отдалённых окраинных земель для встречи с верховными правителями страны не были частыми явлениями⁵. Разрешение Иمامу Кули-беку поездки в Петербург демонстрирует особое расположение к наibu императрицы Екатерины I, лично знакомой с ним ещё с августа 1722 г. Визит в Петербург представителя власти присоединённых к Российской империи земель рассматривался в ракурсе «внутренней дипломатии», «этнической» правительственной политики.

Путь наиба из Дербента лежал по морю в Астрахань, далее от Астрахани до Царицына по Волге, от Царицына сухим путём через донские казачьи городки до Тамбова и Москвы, далее к Великому Новгороду, Ладого, Шлиссельбургу, откуда он с частью спутников отправился по Неве в Санкт-Петербург (остальная часть делегации и багаж отправились в столицу из Ладого, минуя Шлиссельбург). В Царицыне дербентская миссия не могла получить необходимых 90 подвод; из-за падежа лошадей наibu предложили разделить депутацию и багаж на три части. Имам Кули-бек ответил отказом, посчитав данное предложение оскорбительным⁶. Прибыв в Москву в сентябре 1726 г., он пожелал остаться в городе в течение недели «для исправления своих нужд». Тем временем из Коллегии иностранных дел поступило указание сообщить ему, чтобы он, не задерживаясь, отправился в Санкт-Петербург, поскольку из-за морозов в пути могут быть трудности⁷.

Имам Кули-бек выехал в Санкт-Петербург с многочисленной депутацией и обслуживающим персоналом в составе 44 человек, хотя ему и рекомендовали взять с собой существенно меньшее количество людей. В пути их сопровождали поручик Дагестанского полка Иван Полозов, капрал и десять солдат, имевшие инструкцию обходиться с наибом и его людьми вежливо и со всяческим почтением. Поручику предписывалось следить, «чтоб как от ево, наиповых,

⁴ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 77, л. 1032 об.—1033 об.; АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 2 об.—3.

⁵ *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018. С. 44.

⁶ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 7—8; д. 17, л. 39—39 об.

⁷ Там же, д. 17, л. 92.

людей русским, так и от русских ево, наиповым, человеком обид никаких не было, так же наперед сего никто из людей ево не уезжали и назади не оставались»⁸.

В Петербурге для проживания наиба и его депутации отвели дворы бывшего магистрата «да стряпчего с ключем Панкратья Суморокова», которые охраняли капрал и 12 солдат⁹. В столице Имам Кули-бек провёл зиму 1726–1727 гг. Он несколько раз (2 ноября и 29 декабря 1726 г., 4 января и 15 марта 1727 г.) встречался с президентом Военной коллегии кн. А.Д. Меншиковым и вместе с ним посетил императрицу Екатерину I в Зимнем дворце¹⁰. Целью поездки Имама Кули-бека в Петербург была подача прошений как личного характера, так и городской общины, чьи интересы он представлял. Проблемы присоединённых к империи прикаспийских земель находились в ведении командующих Низовым корпусом. Видимо, наиб посчитал, что его дела требуют правительственного вмешательства. В прошении на имя императрицы от 11 февраля 1727 г. он объяснил причины прибытия в Петербург: «Из древних лет предки мои и я служили персидским государям со всякою верностию и крепостию безпорочно, а ныне я служу в.и.в. верно и усердно со всяким прилежанием, и приехал я, раб вашего Величества, к славнейшему и милостливейшему двору в.и.в. просить о своих нуждах в надежде, что я, нижейший раб, не отвергнен буду от высокой милости в.и.в.»¹¹. В данном прошении наиб подчеркнул свой более льготный статус по сравнению с представителями других кавказских политических элит, в отличие от которых он добровольно признал верховенство Российской империи.

В обращении к императрице Имам Кули-бек обращал её внимание, что его статус как российского подданного не должен уступать статусу перешедших под протекцию Османской империи кавказских владетелей, в частности лезгинского правителя Хаджи-Дауда: «Как известно всем, что называемой Дауд из простых народов, изменил своему государю и против своего государя (персидского шаха. — *Ш.М.*) бунт поднял, и, оставя своего государя, принял протекцию турецкого салтана. И турецкой салтан ему, Дауду, за то прислал знамя, саблю, платье, конь с убором и дал ему, Дауду, владение Ширванскую губернию. Того ради... прошу в.и.в. за мои верные службы... возвысить меня чином и на тот чин пожаловать жалованную грамоту, тако ж пожаловать меня саблею и одною каретою, ибо саблею буду служить против неприятелей в.и.в., а карета в наших краях зело куриозна вещь... А которым чином я пожалован буду, чтоб тем чином пожалован после моей смерти был сын мой... А имянно всенижайше прошу в.и.в. меня пожаловать генералом для того, что Дауд от турецкого салтана пожалован губернатором, а мне б против его чина была отмена»¹².

Просьба наиба закрепить его генеральский чин царской жалованной грамотой объясняется восточными государственными традициями, когда избрание или назначение на высшую должность или наделение высоким чином следовало подкреплять инвеститурой от государя. 6 марта 1727 г. была подготовлена жалованная грамота Иمامу Кули-беку за большой императорской печатью. Из

⁸ Там же, 1725 г., д. 3, л. 38; 1726 г., д. 17, л. 10–11, 18; 1727 г., д. 16, л. 209.

⁹ Там же, 1726 г., д. 17, л. 139.

¹⁰ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 473, 498, 501, 526.

¹¹ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 29.

¹² Там же, л. 29–29 об.

её содержания видно, что наиба пожаловали тем же чином генерал-майора, что и в 1722 г., а также причислили к дворянскому сословию: «Для оказанной его службе нашей верности и прилежности во знак к нему нашей Императорской Высокой милости пожаловали чином генерал-майора, и иметь ему команду над дербентскими служителями, над которыми он прежде всего управление имел». Причина вторичного пожалования тем же чином видится в настойчивых прошениях наиба: его генеральский чин подкрепили жалованной грамотой. Он также добился, чтобы его брата Аллах Кули-бека удостоили чина полковника. Удовлетворили и просьбу наиба о карете, на приобретение которой по указанию императрицы из Камер-коллегии выдали 300 руб.¹³

В прошении от 2 января 1727 г. Имам Кули-бек просил сохранить право на управление деревнями в окрестностях Дербента, данное ему ещё персидскими шахами: «И оные такие деревни во владении своем имели, и никаких податей никто от них не требовал, а понеже ныне оные провинция под протекцию в.и.в. обретается, в которой провинции 28 деревень мне в жалованье определено было... Сверх того пять деревень, за рекою Семур лежащие, мне в жалованье определены... Того ради вашего Императорского Величества всеижайше прошу вышепомянутые деревни особливое милостивее награждение мне пожаловать». В Петербурге решили повременить с удовлетворением этой просьбы, поскольку не имелось сведений, под чьим управлением при Сефевидях находились упоминаемые 33 деревни Дербентской округи. Было решено послать указ командующему Низовым корпусом кн. Долгорукову, «чтоб он о том осведомлял и прислал сюда верное известие, по которому тогда е.и.в. к нему, наипу, в оном его прошении склонную свою милость показать изволит, в чем бы он был без всякого сумнения благонадежен»¹⁴.

В тот же день Имам Кули-бек подал ходатайство возобновлении выплаты жалованья владельцам Табасарана кадию Рустам-беку и майсуму Мухаммед-беку — по 200 руб. каждому. Оно выплачивалось российской властью из доходов бакинских нефтяных источников. Наиб обнадёживал верховную власть, что табасаранские владельцы станут усердно служить интересам России и «будут за здравие в.и.в. Бога молить». Данное прошение удовлетворили¹⁵. Во время визита в Петербург наиб поднял и проблемы, связанные с налогообложением дербентских купцов. От имени последних он 8 января 1727 г. подал прошение канцлеру Головкину за печатями 16 купцов. Можно предположить, что среди лиц, приехавших с Имамом Кули-беком в Петербург, были и сами купцы. Те жаловались на ущемление их интересов в Астрахани, где в нарушение установленных правил пошлины стали взимать не только с ввозимых, но и с вывозимых из города товаров. Недовольство вызывало и повышение стоимости аренды жилья в гостиных дворах: за комнату на четыре персоны вместо прежних 50 коп. стали брать рубль, а затем — по рублю с каждого человека. Из-за этого дербентские купцы стали жить в юртах, а «ныне и за то начали пошлину брать». Для разрешения проблемы из Сената астраханскому губернатору фон Менгдену отправили указ, чтобы пошлину с товаров и арендную плату за проживание в гостиных дворах Астрахани с дербентских купцов брали согласно указу от 1723 г.¹⁶, т.е. наравне с русскими купцами.

¹³ Там же, л. 38–38 об., 47 об., 49, 50–50 об.

¹⁴ Там же, л. 9–10, 46–46 об.

¹⁵ Там же, л. 17–17 об., 47 об.

¹⁶ Там же, л. 20–20 об., 74–75.

Среди прошений наиба, требовавших высочайшего решения, была просьба помочь в решении вопроса о ремонте водовода из реки Рубас, необходимого жителям Дербента для полива садов, пахотных земель и водопоев. Как отмечал Имам Кули-бек в прошении тайному советнику П.А. Толстому от 23 января 1727 г., несколько раз он с полковником фон Лукеем ремонтировал водовод, но объект вновь приходил в негодность, вероятно, из-за крайней изношенности труб. Наиб просил выделить тысячу человек на помощь местным жителям в ремонте: «Ежели довольно людей имелось, то б можно было оную трубу починить, чтоб из оной вода всегда текла, отчего великая прибыль как садам, так же и жителем, и скотам, и землям учинитца». Кн. Долгорукову велели создать комиссию во главе с полковником фон Лукеем¹⁷. Отсутствие документальных данных не даёт возможности узнать, удалось ли решить эту важную для городской общины проблему.

Во время пребывания Петра I в Дербенте в 1722 г. несколько дербентцев арестовали за проявленную нелояльность к новой власти. Из-за нехватки мест в лазаретах в домах арестованных горожан, где продолжали жить их жёны и дети, размещали больных солдат. Потом членам семей арестованных дербентцев запретили проживать в своих домах, их имущество конфисковали. Лишь в 1725 г. им разрешили заниматься торговлей или выполнять работы по найму¹⁸. Видя жалкое состояние членов семей опальных, наиб просил под свою ответственность освободить оставшихся в живых горожан: «Взяты были несколько человек из дербентцев за арест, и несколько человек из них померло, а в том числе иные живы, и те хворые и страмные, чтоб тех невольников... милостиво приказать освободить и мне отдать. И остаточные их пожитки назад возратить, ибо жены их и дети скитаютца по чужим дворам и не имеют себе пристанища». Имам Кули-бек также просил освободить арестованных бакинцев: «Всенижайше прошу бакинских невольников милостиво приказать освободить и мне отдать»¹⁹. Как в Петербурге посмотрели на эти просьбы наиба, к сожалению, неизвестно.

Имам Кули-бек, планируя построить в Дербенте «хоромины», просил кн. Долгорукова выделить четверых полковых плотников, среди которых одного (Кондратия Кокорина) назвал по имени. 2 января 1727 г. Имам Кули-бек просил, чтобы ему «из Астраханской губернии дали было 7 полковых пушек, да повсягодно по несколько бочек вина. Тако ж де и о музыкантов полковых ж, чтоб они всегда при мне были, и вышеписанныя вещи и поныне не отданы»²⁰.

В марте 1727 г. Имам Кули-бек, доброжелательно принятый в Петербурге, отправился домой, получил на дорожные расходы 5 тыс. руб., подводы и конвой. По указу Екатерины I всем губернаторам и воеводам надлежало пропускать наиба и его свиту с багажом²¹. Однако в Москве случилась неожиданная задержка, о которой он 7 мая 1727 г. решил информировать П.А. Толстого и Г.И. Головкина: «Ныне я уже в Москве давно живу, а для отъезду моего судов не от кого получить не могу. Того ради... прошу показать надо мною отеческую милость, прислать указ для отправления моего водою, дабы я мог

¹⁷ Там же, л. 24–24 об., 48 об.

¹⁸ Российский государственный архив военно-морского флота, ф. 233, оп. 1, д. 259, л. 228; АВПРИ, ф. 77, оп. 3, 1725 г., д. 3, л. 27 об.–28.

¹⁹ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 30–30 об., 89–89 об.

²⁰ Там же, л. 13–13 об., 31, 47, 48 об.

²¹ Там же, л. 58, 142.

благовременно доехать в свои края». В письме Головкину наиб подкрепил свою просьбу, сообщив, что нашёл по дороге добрую буланую лошадь, переданную им приказчику Смирягину, чтобы он «вашему сиятельству оную препроводил... в знак моего рабства»²².

Задержка наива в Москве была санкционирована правительством, но от Имама Кули-бека это тщательно скрывали. 3 апреля 1727 г. канцлер Головкин писал в Москву: «Отпущено отсюда на сих днях дербентский наип Имам Кули-бек, которого для некоторых причин в Персию ныне впредь до получения от тамошних командиров известия пропускать е.и.в. не указала, но повелела ее величество удержать его, наипа, под приличными претексты до указа е.и.в. в Москве... И, ваше сиятельство, извольте... приказать ему, наипу... отвезти добрую квартиру... и содержать оного во всякой свободности, и допускать его ездить, куда похочет. Только... далее в путь... не отпускать, но о сем его, наипове, задержании не соизвольте... объявлять... извольте... приказать чинить ему замедление отъезду его приличные отговорки, что якобы исправляютца приготовление судов, на которых водою ехать». Причины задержки наива не оглашались. В июне 1727 г. Имам Кули-бек выехал из Москвы в Астрахань водным путём на двух приобретённых для этого случая судах²³ и далее по Каспийскому морю — в Дербент.

Приведённые документальные материалы показывают, что, вопреки существовавшему в литературе утверждению, Имам Кули-бек не умер в 1728 г. в Санкт-Петербурге, после чего его прах перевезли в Дербент²⁴. Наиб благополучно вернулся из столицы. До последнего времени ошибочно датой смерти Имама Кулибека считался также 1731 г., когда должность наива перешла к его брату полковнику Аллах Кули-беку²⁵. Выявленный мной в фондах АВПРИ документ — донесение вице-канцлеру барону А.И. Остерману от имени Имама Кули-бека, датированное 1733 г.²⁶, позволяет утверждать, что скончался наиб не ранее 1733 г.

Проведённое исследование показывает, что наиб Имам Кули-бек был дальновидным правителем, которому в одинаковой мере доверяли местная дербентская община и российская власть. Без преувеличения, его можно отнести к числу деятелей, сыгравших значимую роль в расширении влияния Российской империи на Каспии в петровскую эпоху. Политическая деятельность Имама Кули-бека в должности правителя Дербента — яркий пример службы представителей местных народов российской власти. Последняя в свою очередь высоко ценила верность наива: во время поездки к императорскому двору ему оказали тёплый приём и удовлетворили большинство его просьб.

²² Там же, л. 100–102.

²³ Там же, л. 83–84; 1730 г., д. 4, л. 190.

²⁴ Гусейнов Г.-Б. Энциклопедия города Дербента. Махачкала, 2015. С. 231.

²⁵ Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 258.

²⁶ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1733 г., д. 20, л. 1–2.